

УДК 93(518)“1896/1920”
DOI 10.24412/1026-8804-2021-3-94-105

Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «русские колонии» или «арендованные территории»?

Андрей Викторович Друзяка,

доктор исторических наук, доцент кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск.

E-mail: druzyaka12@mail.ru

В статье анализируются политические и правовые основания вхождения отдельных территорий Маньчжурии (Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД) в орбиту российского влияния в конце XIX в., а также динамика изменений, присущих как режиму управления на этих территориях, так и в целом российской колониальной политике в Северо-Восточной Азии в конце XIX в., а также в 1901, 1905, 1918 гг. В различных исторических условиях эта политика испытывала экономическое и военно-политическое воздействие со стороны других крупнейших колониальных держав, однако при этом русский колониализм в Азии развивался по тем же стандартам, что в других иностранных колониях на территории Китая. В то же время его особенностью принято считать относительно мягкий и даже «дружественный» характер, во многом сформированный опытом, выработанным в период русской колонизации других азиатских территорий. В статье кратко охарактеризованы особенности режима российского управления в Маньчжурии, примеры их соответствия ключевым критериям, характеризующим колониальное управление в целом. Приведены оценки, даваемые русскому колониализму в Маньчжурии в российской литературе разных лет, а также в работах иностранных авторов. На основании анализа критериев таких понятий, как «колонии», «колониальные владения», «арендованные территории», сделаны выводы об их применимости к территориям русской Квантунской области и полосе отчуждения КВЖД в различные исторические периоды, связанные с российским присутствием.

Ключевые слова: Россия, Китай, русская Квантунская область, полоса отчуждения КВЖД, арендованные территории, колонизация, колония, колониальные владения, колониальная политика.

**The Kwantung Region and the CER's Right-of-Way:
"Russian Colonies" or "Leased Territories"?**

Andrey Druzyaka, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia. E-mail: druziyaka12@mail.ru.

The paper analyzes the political and legal grounds of certain Manchurian territories (the Kwantung region and the CER's right-of-way) to come under the Russian influence at the end of the 19th century as well as the dynamics of changes inherent in both the territorial governance and generally the Russian colonial policy in Northeast Asia at the end of the 19th century, in 1901, 1905 and 1918. In various historical conditions this policy experienced economic, military and political influence from other major colonial powers, but, at the same time, Russian colonialism in Asia developed according to the same patterns as in other foreign colonies in China. A particular feature of this policy is a relatively soft and even "friendly" character, which developed largely due to the experience during the period of Russian colonization of other Asian territories. The paper briefly describes the key features of the Russian governance in Manchuria and provides examples of their compliance with the key criteria that characterize colonial governance as a whole. The author also provides judgements on Russian colonialism in Manchuria from Russian literature of various periods and from works of foreign authors. Based on the analysis of such concepts as "colonies", "colonial possessions", and "leased territories", conclusions about their applicability to the territories of the Russian Kwantung region and the CER's right-of-way in different historical periods associated with the Russian presence were drawn. **Keywords:** Russia, China, the Russian Kwantung region, the CER's right-of-way, leased territories, colonization, colony, colonial possessions, colonial policy.

История российско-китайских отношений середины XIX — начала XX в. включает период мощной российской политической, экономической и культурной экспансии в Маньчжурии, в ходе которой был накоплен качественно новый опыт межгосударственного, межэтнического и межцивилизационного взаимодействия. Вместе с тем, как представляется, в современной историографии характер и типология взаимоотношений, складывавшихся между Цинской и Российской империями, а также содержание диалога России с крупнейшими мировыми державами по поводу арендованных территорий Квантунской области и полосы отчуждения КВЖД имеют дискуссионный характер. Так, например, по-прежнему далеко не однозначно воспринимается применение по отношению к ним терминов «русская колониальная экспансия», «русские колонии», «русские колониальные владения в Китае». В результате возникает вопрос об использовании в данном случае более узких, но вместе с тем более уместных, по мнению ряда исследователей, понятий «арендованная территория», «концессия».

По нашему мнению, спорный характер применения указанных формулировок может быть концентрированно выражен в двух ключевых вопросах:

1. «Чем юридический статус колонии отличается от арендованной территории?»
2. На каком основании арендованные территории названы колониями?» [1]

Исходя из цели этой статьи, обозначенной в аннотации, необходимо обратиться к характеристике указанных понятий как таковых, т.е. воспринимаемых абстрактно, вне соображений современной политкорректности, идеологических штампов, сопутствующих смысловых коннотаций, а также хронологических и географических привязок.

Колонизация в современном понимании является исторически определённым типом заселения и освоения слаборазвитых территорий (к которым, без сомнения, можно отнести территорию Маньчжурии XIX — начала XX в.). В трактовке В.О. Ключевского различные периоды русской истории нужно рассматривать как соответствующие периоды колонизации [9]. В дореволюционной русской историографии и частично в литературе 1920-х гг. считалось, что колонизация — это «процесс... переселений из густозаселённых мест в районы, где нет населения, или оно редко или плохо приспособлено к условиям жизни; процесс государственный в отличие от эмиграции и переселений; мероприятия в местах вселения, направленные на развитие производительных сил и подъём культуры коренного населения» [17, с. 128]. Колонизация в российской историографии дореволюционного периода классифицируется как внутренняя, в границах государства, и внешняя, связанная с созданием поселений за пределами стран выхода. В определённом смысле этот процесс нередко наделялся чертами цивилизационной миссии и трактовался также как «массовое вселение в некультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства» [20, с. 717]. Понятие «колония» в научном лексиконе нередко определялось также и как «население иноземцев, посёлок выходцев, переселенцы из другой земли» [4, с. 141].

Исходя из юридического значения термина «владеть» в составе понятия «колониальные владения», можно проанализировать его применимость к арендованным территориям в Маньчжурии. Так, владением называется «территория, находящаяся под чьей-л. властью, в чьём-л. управлении» [19]. Следовательно, даже временно арендованные земли являются владениями арендатора при наличии атрибутов внешнего управления, особой юрисдикции, экстерриториальности иностранных граждан или подданных и легальных административно-распорядительных органов метрополии. При этом арендатор не имеет права каким-то образом их отчуждать — продавать, дарить и т.д., однако при определённых условиях может их передать третьим странам — что и произошло в результате с Квантунской областью и южной веткой КВЖД, перешедшими к Японии по условиям Портсмутского мирного договора 23 августа (5 сентября) 1905 г.

Российско-китайские договорные отношения, в том числе частно-государственного характера, основанные на понятиях «аренда» и «концессия», вовсе не означали какого-либо суверенитета арендованных территорий

и имели вынужденный характер для арендодателя. Как указывают в своих работах Я.Л. Салогуб и В.П. Казанцев, «на практике правила аренды государственных территорий часто искажались, что даёт основание рассматривать договоры международной аренды, заключённые Китаем в конце XIX — начале XX в., как разновидность передачи территории от одного государства другому, то есть цессии. Учитывая, что такая передача осуществлялась в интересах более развитого в экономическом и сильного в военном отношении государства, подобную „колониальную аренду“ следует рассматривать не чем иным, как своеобразной формой аннексии» [18].

Сегодня вряд ли кто-то ставит под сомнение колониальный статус Гонконга, Вэйхая, Формозы, Гуаньчжоуваня, Макао, Циндао, крупной международной колонии в Шанхае, владение которыми в соответствующий период также основывалось на подобных договорах аренды. В этом отношении русская Квантунская область была такой же колонией с международным правовым статусом, как и перечисленные, имевшие в своём составе иностранные и международные селтльменты, управлявшиеся военными и гражданскими администрациями при наличии всех атрибутов колониального господства. В отношении Квантуна между Россией и Китаем был также заключён соответствующий договор, де-факто предполагавший создание и функционирование здесь системы российских государственно-административных, судебных и военных органов.

Вместе с тем существенным отличием статуса полосы отчуждения КВЖД в Северной Маньчжурии являлся частно-государственный характер договора об аренде между китайскими властями и Обществом КВЖД. Стратегический русско-китайский договор 1896 г. заложил основы будущих взаимоотношений двух стран на территории Маньчжурии и в том числе определил порядок переброски российских войск в случае войны с Японией и концессионные обязательства в части строительства железной дороги, после чего был подписан контракт между официальными представителями Цинской империи и Русско-Китайским банком на строительство и эксплуатацию КВЖД.

22 мая (3 июня) 1896 г. секретным и «не подлежащим публикации» двусторонним российско-китайским договором о союзе против Японии (так называемым Московским договором России 22.05 (03.06) 1896 г.) было предоставлено право на постройку железнодорожной магистрали через территорию Маньчжурии [16, с. 292—294]. 27 августа (8 сентября) 1896 г. китайский посланник в Российской империи подписал с правлением Русско-Китайского банка соглашение о предоставлении последнему права на постройку железной дороги через Маньчжурию и о создании акционерного «Общества Китайской восточной железной дороги». Эти документы предполагали, помимо предоставления территорий китайским правительством, выкуп и использование участков, принадлежащих частным лицам [12, с. 297—302]. Де-юре указанные бумаги не позволяли Российской империи напрямую участвовать ни в строительстве, ни в организации управления данной концессией. На это упущение царского

правительства, не позволившее в результате сохранить российское управление и юрисдикцию в Харбине в октябре 1920 г., указывал в своей фундаментальной работе Е.Х. Нилус [14, с. 567].

Однако это обстоятельство не меняет сути и характера фактически сложившихся отношений, в том числе проявившихся в наличии классических признаков системы колониального управления в полосе отчуждения КВЖД. Общий замысел, сложившаяся практика освоения территории и характер участия государственных органов в делах созданного акционерного общества свидетельствуют, что КВЖД была инструментом российской колониальной политики, а полоса отчуждения — де-факто территорией, административно организованной и управляемой либо в соответствии с опытом, полученным при колонизации Восточного Туркестана, либо прямо по образцу российской метрополии. Руководство «Общества КВЖД» фактически являлось представителем правительства Российской империи, соответственно территория и население полосы отчуждения находились под непосредственным управлением последнего.

В классификации признаков колонии, приводящейся до сего дня в большинстве справочных и энциклопедических изданий, коммерческие договоры и концессии названы классическим способом проникновения и легитимации, используемым колониальными державами на осваиваемых территориях. В частности, лишение колонии метрополией самостоятельного правового статуса становилось возможным через: навязывание местным властям неравноправных, кабальных договоров о протекторате, вассалитете, «аренде», концессии, опеке, выкупе, иных форм лишения или ограничения полноты их суверенитета на территории колонии в пользу метрополии; создание военной силой или инспирирование прихода к власти в колонии зависимого, марионеточного режима путём аннексии территории; формирование метрополией своей колониальной администрации или прямое управление колонией из метрополии [10].

Немало научных исследований, посвящённых десятилетнему периоду между Японо-китайской (1894—1895) и Русско-японской (1904—1905) войнами, трактуют политику царской России именно как открытую колониальную экспансию, направленную на раздел Северо-Восточного Китая и захват колоний на побережье Жёлтого моря. Историки советского периода в рамках действовавшей парадигмы анализировали деятельность царского правительства в Маньчжурии исключительно в контексте участия в колониальном разделе Китая. Так, А.Л. Нарочницкий отмечал, что «реакционная и захватническая» политика царской России в Азии привела к росту русского капитализма «вширь» и вовлекала в сферу воздействия капиталистического развития громадные районы Азии, стоявшие вне мирового рынка. При этом «царизм вёл колонизаторскую политику в Азии и не мог быть другом Китая» [13, с. 351, 606, 607]. Созвучны этому подходу к оценке российской колониальной политики на Дальнем Востоке и современные работы китайских историков, основанные на идеологических концепциях советского периода [8].

Проанализировав ряд научных определений, данных термину «колония» в различных словарях, справочниках и электронных ресурсах [2; 4; 10; 19; 20], мы пришли к выводу, что эта полисемичная лексема сегодня толкуется в трёх основных аспектах:

- как совокупность лиц какой-л. национальности, проживающих вместе в другой стране или в иностранном государстве; в этом смысле русская диаспора в Маньчжурии нередко рассматривается как «колония» [3, с. 87];
- как поселение выходцев из другой страны, области;
- как страна или зависимая территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишённая политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима.

Общие критерии, по которым колонии характеризуются как «зависимые территории», можно уверенно отнести к русской Квантунской области и полосе отчуждения КВЖД в Северной Маньчжурии. В частности, среди наиболее ярких признаков — их политическая несамостоятельность, отсутствие самостоятельного правового статуса, экстерриториальность иностранцев и юрисдикция российских судов. В экономике Маньчжурии также наблюдалась эксплуатация имеющихся природных богатств и труда местного населения в пользу интересов метрополии, ярко проявившаяся в период постройки и использования КВЖД. К признакам колонии относятся этно-религиозное и культурное отличие большинства жителей региона от иммигрантов из метрополии, дающее первым основания считать себя отдельной, самостоятельной общностью, а также иммиграция в колонию значимого числа представителей метрополии, формирование ими органов местной власти, политико-экономической, культурной элиты. В качестве особенностей взаимоотношений, сложившихся у российских властей с другими колониальными державами (например, с Японией) по поводу этих территорий, можно назвать наличие межгосударственных договоров метрополии с третьими странами и торга о судьбе колонии, оптимизацию торговых путей, рынков сбыта, вытеснение неудобных инокультурных стран-посредников [7, с. 26].

В период 1900—1902 гг. в ходе подавления антиколониального восстания ихэтуаней территория Маньчжурии была временно оккупирована русской армией. Регулярные вооружённые силы в виде Охранной стражи КВЖД, предназначенные для борьбы с хунхузами, легально действовали здесь вплоть до 1920 г. В 1896—1920 гг. полоса отчуждения КВЖД, помимо органов «Общества КВЖД», управлялась российскими административно-силовыми учреждениями государственной власти (полиция, суд, тюрьма) и местного самоуправления, организованного в соответствии с решениями метрополии и российским законодательством. В свою очередь, эти органы до 1918 г. не действовали автономно, а управлялись из метрополии в соответствии с её законами.

Фактически после подавления вооружённого восстания ихэтуаней в 1901 г. арендованные земли в Маньчжурии представляли собой именно

особые зависимые территории с российской институциональной системой, юрисдикцией, судами, тюрьмами, вооружённой Охранной стражей (до 25 тыс. чел), российским денежным обращением, городским самоуправлением. Следующим этапом многим виделось уже включение этих земель в состав России. Идеологическим обоснованием создания некоего территориального маньчжурского буфера, способного обеспечить безопасность российского Дальнего Востока, выступала расовая алармистская теория «жёлтой опасности», распространившаяся в это время в европейском массовом сознании.

Как справедливо указывает В.П. Казанцев, «содержание Маньчжурского вопроса включает в себя не только комплексное проникновение в регион и приобретение там территорий всеми доступными средствами, но и освоение этих территорий с перспективой возможной инкорпорации их в империю. В этой части вопроса эффективно действующая система административных органов колониального государства (Российской империи) в зоне присутствия (Маньчжурии), выходит на первый план» [8]. До 1904 г. приоритет в освоении региона был смещён на Квантун, где быстрыми темпами строились Порт-Артур и Дальний, но после поражения в Русско-японской войне центром русской колонии в Маньчжурии стал Харбин.

При этом необходимо отметить, что употребление терминов «русские колонии», «русские колониальные владения» и отношение исследователей к характеру соответствующего российского политико-административного управления с течением времени претерпело определённую трансформацию. Это было, кроме прочего, обусловлено особенностями самого российского колониализма в Маньчжурии. Так, например, современные исследователи отмечают фактическое отсутствие противопоставления местного и пришлого населения, насильственной аккультурации и навязывания метрополией языка, религии или культурных стандартов [1, с. 38].

В результате, несмотря на явные признаки, позволяющие обозначить русские концессии и арендованные территории в Маньчжурии понятием «колонии», отмечается некоторая неопределённость трактовки. На наш взгляд, она во многом вызвана отличием характера русского колониального управления от «классического» европейского колониализма. В частности, Р. Квестед, размышляя о том, к какому из предложенных Ф. Мэйсоном типов колониализма был ближе «русско-маньчжурский», находит в нём элементы всех трёх — «подавляющего», «патерналистского» и «конкурентного» — и не без сарказма интерпретирует его как «дружеский», «приятельский» (англ. «matey») [21, с. 23].

В.Г. Дацышен в конце 1990-х гг. характеризовал Порт-Артур и Дальний как «классическую колонию нового времени» [5, с. 38]. С ним, впрочем, не во всём соглашались И.В. Лукоянов и Д.Б. Павлов, возражения которых основываются на наличии там особой отдельной русско-китайской юрисдикции, китайской администрации в местах компактного проживания местного населения, свободы перемещений. Вместе с тем они

характеризуют российский колониальный режим как «модернизационный тип колониального управления» и отмечают, что «доминантой российской колониальной политики на Квантуне является её созидательная, цивилизационная роль в области материального производства, а также в области государственного управления, образования и культуры» [15, с. 39].

Таким образом, не отрицая в целом рассмотрения арендованных территорий именно как российских колоний, находящихся под административно-политическим управлением метрополии (в разные периоды — в форме наместничества или особых коллегиальных и корпоративных совещаний), исследователи спорят в основном об особенностях, отличиях и характеристиках российского колониализма в Азии. Россия в рассматриваемый период, несомненно, являлась крупнейшей континентальной колониальной державой, а политику по распространению в те годы её экономического и политического влияния в Китае не без оснований связывают с понятием колониализма [6].

Отвечая на вопрос о применимости в отношении полосы отчуждения КВЖД термина «колония», мы никак не разделяем его с понятием «арендованная территория», так как, по нашему мнению, значение слова «колония» более широкое и ёмкое и включает в себя и «арендованную территорию», и «зависимую территорию», и «концессию». Вместе с тем, полагаем, отнесение термина «колония» в смысле «территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишённая политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима» к указанным районам может быть применено только в определённых временных рамках:

- К русской Квантунской области — в период от юридического оформления аренды Ляодуна (1899) и до его утраты в ходе Русско-японской войны (1905).
- К территории полосы отчуждения КВЖД в Северной Маньчжурии с центром в Харбине — от начала формирования российской администрацией органов властного и силового управления (1896) до разрушения фундаментальных государственно-правовых институтов в российской метрополии и перехода юрисдикции, политического и военного контроля над территорией Северной Маньчжурии к органам власти Китайской республики (1918—1920). Нижней границей в данном случае является 1920 г., когда в Китае были упразднены российские консульства и суды, начался процесс «китаизации» городского общественного управления в Харбине, произошли коренные изменения в экономике региона, связанные со сменой валютного и налогового регулирования, с усилением роли третьих стран в Северной Маньчжурии.

По двум другим критериям («поселение» и «совокупность лиц, проживающих вне страны выхода») русские населённые пункты вдоль КВЖД и Харбин могут быть признаны русскими колониями вплоть до завершения процессов реэмиграции и репатриации бывших подданных Российской империи с указанной территории, имевших место в 1930—1950-е гг.

Включившись в конце XIX в. в борьбу за колониальные владения в Северо-Восточном Китае и осуществляя при этом масштабный инфраструктурный проект в виде трансконтинентальной железнодорожной магистрали, Российская империя при необходимости использовала доступные средства, которыми являлись и частно-государственные коммерческие контракты и концессии, и аренда территорий на уровне государств, и торг, а в случае необходимости — войны с другими колониальными державами за экономически и геополитически значимые территории и порты (Русско-японская война) и открытое силовое давление, в том числе военный контроль земель с предварительным или последующим заключением соответствующих договоров.

Вместе с тем двусторонние отношения России и Китая на этом своеобразном этапе строились на поиске общественного компромисса. В частности, он включает немало примеров многоуровневого взаимодействия русских и местных китайских властей, представителей иммиграции и местного населения. Наиболее яркими из них являлись не только совместная трудовая деятельность русских и китайцев на железной дороге и предприятиях Северной Маньчжурии, но и героические усилия русских медиков по борьбе с эпидемией холеры в 1902 г., многолетняя просветительская и исследовательская деятельность плеяды русских учёных и педагогов, заложивших основы научно-образовательного потенциала Маньчжурии, в том числе включавшего обучение китайского населения.

Этот компромисс основывался на стремлении избежать острого противостояния принимающего китайского общества и иммигрантов, обойтись без радикальной ломки сложившихся здесь порядков, традиций и обычаев, он был выстроен с учётом взаимной выгоды и соблюдения интересов разных социальных групп, что сыграло существенную роль в формировании нового этапа взаимоотношений русской эмиграции с китайским принимающим обществом в последующий период 1920—1950-х гг. Безусловно, характер русской колонизации способствовал быстрому экономическому развитию осваиваемых территорий, помог выработать практику совместной созидательной деятельности двух наших народов, что позволило впоследствии сформировать основы равноправного восприятия, дипломатических, торговых, научных, межкультурных и межличностных контактов, строящихся на взаимопонимании и взаимном уважении.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аурилене Е.Е. Отзыв официального оппонента на диссертацию Друзяки Андрея Викторовича «История нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1897—1990-е гг.)», представленную на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/639/Друзьяка%20отзыв%20опп%20Аурилене.pdf> (дата обращения: 20.08.2019).

2. Большой Российский энциклопедический словарь. Репр. изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. 1887 с.
3. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Рус. лит. зарубежье. М.: Кн. палата, 1991 (1992). 318 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ГИС, 1955. Т. 2. 675 с.
5. Дацышен В.Г. Андреевский флаг над Порт-Артуром // Международная жизнь. 1998. № 6. С. 37—38.
6. Дацышен В.Г. Инкоу: из опыта российского колониализма (Маньчжурия 1900—1904 гг.) // Восток: Афро-азиатские общества. 1995. № 4. С. 79—81.
7. Друзяка А.В. О применимости понятий «русские колонии» и «колониальные владения» к арендованным территориям в Маньчжурии (1896—1920 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы XI междунар. науч.-практич. конф. Благовещенск, 11—12 мая 2021 г. / отв. ред. А.В. Друзяка. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. Вып. 11. Ч. 2. С. 22—29.
8. Казанцев В.П. Гражданское управление арендованными территориями: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 51 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/2 (дата обращения: 12.05.2019).
10. Колония: сводная статья на интернет-ресурсе «Академик». URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/24741> (дата обращения: 31.08.2019).
11. Конвенция, заключённая между Россией и Китаем 15 (27) марта 1898 г. (О Порт-Артуре) в Пекине // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905. СПб.: Изд-во М-ва иностр. дел: Тип. А.М. Менделевича, 1906. С. 331—337.
12. Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги. Берлин, 27 августа/8 сентября 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 / под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. С. 297—302.
13. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 899 с.
14. Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896—1923 / по поручению Правления О-ва и под ред. Специальной Комиссии сост. агент. Правления О-ва Е.Х. Нилус. Харбин: Типография Кит. Вост. жел. дор. и Т-ва «Озо», 1923. 690 с.
15. Порт-Артур и Дальний, 1894—1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. док. / сост. и авт. введения и комментариев И.В. Лукоянов и Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Принт, 2018. 522 с.
16. Русско-китайский договор. 22.05. (03.06.) 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 / под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. С. 292—294.
17. Рыбаковский Л.Л. Стадии миграционного процесса // Миграция населения (приложение к журналу «Миграция в России»). 2001. Вып. 5. 160 с.
18. Салогуб Я.Л., Казанцев В.П. Международный договор аренды территории как форма колониальной экспансии в Китае на рубеже XIX—XX вв. // Общество и государство в Китае / под ред. А.И. Кобзева и др. М.: ИВ РАН, 2015. Т. XLV. Ч. 2. С. 653—661.
19. Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т лингвистич. исследований РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma118308.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 11.11.2020).

20. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова, 1894. 1004 с.
21. Quedest R.K.I. "Matey" Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895—1917. Hong Kong: University of Hong Kong, 1982. 452 p.

REFERENCES

1. Aurilene E.E. *Otzyv ofitsial'nogo opponenta na dissertatsiyu Druzyaki Andreya Viktorovicha "Istoriya notariata na Dal'nem Vostoke Rossii i v Man'chzhurii (1897—1990-eg gg.)", predstavlenuyu na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk po spetsial'nosti 07.00.02 — Otechestvennaya istoriya* [The Review of the Official Opponent on the Dissertation of A.V. Druzyaka "History of Notaries in the Far East of Russia and in Manchuria (1897—1990s)", submitted for the Degree of Doctor of Historical Sciences in 07.00.02 — National History]. Available at: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/639/Friend%20review%20opp%20Aurilene.pdf> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
2. *Bol'shoy Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Big Russian Encyclopedic Dictionary]. Repr. ed. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2009, 1887 p. (In Russ.)
3. Gled J. *Besedy v izgnanii. Russ. lit. zarubezh'e* [Conversations in Exile. Russian Literature Abroad]. Moscow, Kn. palata Publ., 1991 (1992), 318 p. (In Russ.)
4. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vol.]. Moscow, GIS Publ., 1955, vol. 2, 675 p. (In Russ.)
5. Datsyshen V.G. *Andreyevskiy flag nad Port-Arturom* [St. Andrew's Flag over Port Arthur]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1998, no. 6, pp. 37—38. (In Russ.)
6. Datsyshen V.G. *Inkou: iz opyta rossiyskogo kolonializma (Man'chzhuriya 1900—1904 gg.)* [Yingkou: From the Experience of Russian Colonialism (Manchuria 1900—1904)]. *Vostok: Afro-aziatskie obshchestva*, 1995, no. 4, pp. 79—81. (In Russ.)
7. Druzyaka A.V. *O primenimosti ponyatiy "russkie kolonii" i "kolonial'nye vladeniya" k arendovannym territoriyam v Man'chzhurii (1896—1920 gg.)* [On the Applicability of the Concepts "Russian Colonies" and "Colonial Possessions" to Leased Territories in Manchuria (1896—1920)]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy XI mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Blagoveshchensk, 11—12 maya 2021 g.* [Russia and China: History and Prospects for Cooperation: Proceedings of the 11th International Applied Research Conference (Blagoveshchensk, May 11—12, 2021)]. Executive ed. A.V. Druzyaka. Blagoveshchensk, Izd-vo BSPU Publ., 2021, iss. 11, part 2, pp. 22—29. (In Russ.)
8. Kazantsev V.P. *Grazhdanskoe upravlenie arendovannymi territoriyami: polosa otchuzhdeniya KVZhD, Kvantunskaya oblast': avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Civil Management of Leased Territories: the CER's Right-of-Way, the Kwantung Region: author's abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2015, 51 p. (In Russ.)
9. Klyuchevskiy V.O. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya 2* [Russian History Course. Lecture 2]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/2 (accessed 12.05.2019). (In Russ.)
10. *Koloniya: svodnaya stat'ya na internet-resurse "Akademik"* [A Colony. A Summary Article on the Internet Site "Akademik"]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/24741> (accessed 31.08.2019). (In Russ.)
11. *Konventsiiya, zaklyuchennaya mezhdru Rossiei i Kitaem 15 (27) marta 1898 g. (O Port-Arture) v Pekine* [The Convention between Russia and China on March 15 (27),

- 1898 (About Port Arthur) in Beijing]. *Sbornik dogovorov i diplomaticheskikh dokumentov po delam Dal'nego Vostoka. 1895—1905* [Collection of Treaties and Diplomatic Documents on the Affairs of the Far East. 1895—1905]. Saint Petersburg, Izd-vo Min-va inostr. del Publ., Tipografiya A.M. Mendeleevicha Publ., 1906, pp. 331—337. (In Russ.)
12. Kontrakt na postroyku i ekspluatatsiyu Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi. Berlin, 27 avgusta/8 sentyabrya 1896 g. [The Contract for the Construction and Operation of the China Eastern Railway. Berlin, August 27 / September 8, 1896]. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856—1917* [Collection of Treaties between Russia and Other States. 1856—1917]. Ed. by E.A. Adamov, comp. by I.V. Kozmenko. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, pp. 297—302. (In Russ.)
 13. Narochitskiy A.L. *Kolonial'naya politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke. 1860—1895* [Colonial Policy of the Capitalist Powers in the Far East. 1860—1895]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956, 899 p. (In Russ.)
 14. Nilus E.H. *Istoricheskiy obzor Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi. 1896—1923 / po porucheniyu Pravleniya O-va i pod red. Spetsial'noy Komissii sost. agent. Praveleniya O-va E.Kh. Nilus* [The Historical Review of the Chinese Eastern Railway. 1896—1923 / On Behalf of the Board of the Island and Special Commission Comp. Agent. of the Board of the Island E.H. Nilus]. Harbin, Tipografii Kit. Vost. zhel. dor. i T-va "Ozo" Publ., 1923, 690 p. (In Russ.)
 15. *Port-Artur i Dal'niy, 1894—1904 gg.: posledniy kolonial'nyy proekt Rossiyskoy imperii: sb. dok.* [Port Arthur and Dalny, 1894—1904: The Last Colonial Project of the Russian Empire. Collection of Documents]. Comp., introduction and comments by I.V. Lukoyanov and D.B. Pavlov. Moscow, Saint Petersburg, Print Publ., 2018, 522 p. (In Russ.)
 16. Russko-kitayskiy dogovor. 22.05. (03.06.) 1896 g. [The Russian-Chinese Treaty. 22.05. (03.06.) 1896]. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856—1917* [Collection of Treaties between Russia and Other States. 1856—1917]. Ed. by E.A. Adamov; comp. by I.V. Kozmenko. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, pp. 292—294. (In Russ.)
 17. Rybakovskiy L.L. Stadii migratsionnogo protsessa [Stages of the Migration Process]. *Migratsiya naseleniya (prilozhenie k zhurnalu "Migratsiya v Rossii")*, 2001, iss. 5, 160 p. (In Russ.)
 18. Salogub Ya.L., Kazantsev V.P. Mezhdunarodnyy dogovor arendy territorii kak forma kolonial'noy ekspansii v Kitae na rubezhe XIX—XX vv. [The International Agreement on the Lease of Territory as a Form of Colonial Expansion in China from the End of the 19th Century to the Beginning of the 20th Century]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Ed. by A.I. Kobzev et al. Moscow, IV RAN Publ., 2015, vol. 45, part 2, pp. 653—661. (In Russ.)
 19. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 vol.]. Ed. by A.P. Evgenieva. 4th ed., reprint. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999, vol. 1. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma118308.htm?cmd=0&istext=1> (accessed 11.11.2020). (In Russ.)
 20. Chudinov A.N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words in the Russian Language]. Saint Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa V.I. Gubinskogo Publ., Pitografiya S.N. Khudyakova Publ., 1894, 1004 p. (In Russ.)
 21. Quedstedt R.K.I. *"Matey" Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895—1917*. Hong Kong, University of Hong Kong Publ., 1982, 452 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 24.05.2021